

© Киселева И.А., 2012

РОЛЬ СОБЫТИЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ФОРМИРОВАНИИ ИМПЕРСКИХ НАСТРОЕНИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЗМЕ ЛЕРМОНТОВА¹

Аннотация. В статье идет речь об общественной и поэтической рецепции Отечественной войны 1812 года. Утверждается, что героические события 1812 года способствовали активизации в русском обществе панславистских идей. Явленная в борьбе с Наполеоном духовная мощь русских защитников и сила, связанная с православным приятием мира, запечатленные в стихотворении Лермонтова «Бородино», нашли свое выражение и в произведениях, прямо не относящихся к войне 1812 года. Объектом изучения явились как поэтические произведения Лермонтова, так и письма его современников, а также официальные документы той поры.

Ключевые слова: Бородино, Отечественная война 1812 года, Константинополь, Москва, сила духа, сыны Севера.

© I. Kiseleva, 2012

THE ROLE OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 IN MOULDING THE IMPERIAL MOODS AMONG THE RUSSIAN SOCIETY OF THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY: TO THE QUESTION OF LERMONTOV'S PATRIOTISM

Abstracts. The article deals with the public and poetic reception of the French invasion of Russia in 1812. The author states that the heroic events of 1812 stimulated the interest to Pan-Slavist ideas in the Russian society. The moral power the Russian defenders showed in the fight with Napoleon and the might, connected with the orthodox acceptance of the world, embodied in Lermontov's poem "Borodino", found their expression in the works which did not have direct indications to the French invasion of Russia in 1812. The object of studying is both Lermontov's poetic works and his contemporaries' letters. The official documents of that time are also the object of studying.

Key words: Borodino, the French invasion of Russia in 1812, Constantinople, Moscow, strength of mind, Sons of the North.

200-летию Отечественной войны 1812 г. посвящается

Имя Лермонтова неотделимо от памяти Отечественной войны 1812 года, прежде всего, в связи со стихотворением «Бородино», написанным поэтом в 1837 г., в 25-летнюю годовщину Бородинской битвы. В том же 1837 г. оно и было напечатано в шестой

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-34-10216

книжке журнала «Современник». Являясь знаковым для художественного мира Лермонтова, стихотворение проясняет особенности русского образа мира, выражает глубинное ощущение русским человеком своей Отчизны в ее диалектике земного и небесного. Но «Бородино», ставшее узловым текстом для понимания патриотических настроений Лермонтова, не стоит особняком в его творчестве. Надежда на Бога, готовность принести жертву во имя национальной самобытности, определяемой, прежде всего, православным мирозерцанием, вера в силу христианской молитвы – все это сквозит и в других произведениях Лермонтова, казалось бы, прямо не связанных с войной 1812 года, но явившихся прямым следованием духовного опыта, который был пережит русским обществом в то напряженное время противостояния «двунадесяти языкам».

Война 1812 года и победа русских стала той молнией, отсвет которой читается во многих шедеврах русской поэзии, в том числе так называемой романтической. Война 1812 года стала и тем событием, которое способствовало и упрочению на русской почве идей панславизма (термин «панславизм» был предложен чехом Яном Геркелем в 1826 г.). Мысль о возможности воцарения русских в Константинополе (Царьграде) и объединении всех славян в единую Державу, страшную для Врагов Христовых, философски оформленная на русской почве во второй половине XIX в. В.Я. Данилевским в связи с событиями русско-турецкой войны, имела свои истоки еще в далеком прошлом. В древних пророчествах о будущем Константинополя в русской идее Москвы – Третьего Рима, в настроениях и мыслях русского общества периода Отечественной войны 1812 года, и в произведениях русского поэта-пророка Лермонтова также.

«Сыны снегов, сыны славян» – так называет в своих произведениях Лермонтов русских. И в стихотворении «Поле Бородина» (1830/31), предшествующему появлению знаменитого шедевра «Бородино» и являющемся по сути началом работы над ним, защитники Москвы также характеризуются как «полночи сыны». Это наименование связано с расцветом русского имперского сознания, характерного для первой трети XIX в. И одно из самых ярких выражений идеи России как христианской Империи мы видим в поэме Лермонтова «Измаил-бей» (1832), ключом к прочтению которой служит первая строфа третьей части поэмы:

Смирись, черкес! И Запад, и Восток
Быть может, скоро твой разделят рок.
Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной.
«Настанет час – и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим» [3, II, с. 241]

Идею части текста, открывающей смысл последующих событий в произведении, демонстрирует поэтика византийского канона, в котором ирмос служит призмой для следующей за ним песни. И Лермонтов калькирует этот принцип. Сюжет поэмы «Измаил-бей» связан с судьбой главного героя – Измаил-бея; рожденный на Кавказе, он получает воспитание (а возможно, и веру) в Православной России и героически служит в русской армии, но затем (причина неизвестна) возглавляет сопротивление горцев-мусульман, но те отворачиваются от него после смерти, узнав о его прошлой службе православному Царю. События поэмы связаны с сопротивлением горцев-мусульман власти русских на Кавказе и, при внимании к «ирмосу» поэмы, могут простираť свое ассоциативное поле до пророчеств о Константинополе (Стамбуле) – древней столице Византии, захваченной турками, о которой говорит и В.Я. Данилевский.

Предсказания о возрождении Константинополя – нового Рима имеют в своей основе

реальный символический факт. Когда император Константин производил «размерение» будущего града, то внезапно на этом месте появился змей, которого тотчас же схватил орел и взлетел с ним, но змей обвил орла и они упали на землю, но подбежавшие люди убили змея и освободили орла. Это событие было истолковано таким образом: «Орел есть знамение христианское, а змей – знамение бусурманское. И так как змей одолел орла, то это означает, что бусурмане впоследствии одолеют христиан; но как христиане убили змея и освободили орла, то это предзнаменует, что напоследок христиане одолеют бусурманство, и возьмут Седмихолмие и в нем воцарятся» [4, с. 9]. Символично, что образ орла, держащего в лапах змея, является одним из излюбленных изображений на русском Кавказе.

«Видение монаха Даниила» – текст, также связанный с пророчествами о Царьграде, говорит о том, что ангелы вручат православному Царю оружие, но не только им будут побеждены измаильтяне; победа будет и чисто духовной, связанной с крещением иноверцев [4, с. 67]. Этот последний момент и кажется особенно важным для понимания лермонтовской поэтики и содержания его произведений. Измаил-бей, который при жизни уже стал национальным героем горцев-мусульман, оказывается побежден в своем духовном сопротивлении Православию, и знаком этого является «белый крест на ленте полосатой» на груди погибшего воина. Желание личной мести, вызванное потерей (?) любимой женщины, овладевает черкесом, но его возвышенная душа, несмотря на страсти, способна к подвигу и не лишена надежды на спасение.

От мертвого Измаил-бея, принявшего когда-то «белый крест на ленте полосатой» отказываются сородичи, свободу которых он отстаивал, но таким поступком они лишь указывают на его отверженность от себя, и на его возможность вечной жизни как христианина. Вероятно, что Лермонтов в данном произведении говорит об упоминаемой монахом Даниилом победе крещением. Именно поэтому и «ужаснулись» горцы, «омрачился» их взгляд, что увидели преддверие своего поражения.

Древние пророчества уделяют особое внимание тому, что Турцией овладеют «сыны Севера». И Лермонтов эту преемственность русских по отношению к древним славянам проводит довольно определенно. В поэме «Измаил-бей» также образ русских как жителей полноточной страны акцентируется, поэт отмечает «голубые очи у нежных дев славянской полуночи»; и именно дева Севера и становится причиной страданий Измаил-бея, он носит на груди ее золотой локон. Лермонтов довольно часто в своей патриотической лирике говорит, что русские – «сыны снегов, сыны славян», «полночи сыны». И поэт в этих высказываниях не одинок. Мотив русских как сынов Севера, способных поддерживать существование сильной православной Империи и способствовать ее укреплению, особенно остро зазвучал в русском обществе в связи с событиями Отечественной войны 1812 года.

Так, М.И. Кутузов в Приказе от 29 октября 1812 г. писал, что «железная грудь» сынов Севера «не страшится ни суровости погод, ни злости врагов; она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается» [2]. Друг В.А. Жуковского – А.И. Тургенев в одном из своих писем высказывал мысль о том, что, приняв национальный характер, война должна обернуться «торжеством Севера» [6]. И его предположение сбылось. Вспоминая празднование Пасхи в побежденном Париже, Александр I отмечал волю Провидения в том, что сыны Севера приносят «на земле иноплеменников», «совокупную очистительную и вместе торжественную молитву Господу» [5]. Война 1812 года, потребовавшая от защитников Русской земли напряжения всех духовных сил и явившая их данность, активизировала в русском обществе идею Москвы – Третьего Рима – оплота Православия.

Именно памяти Отечественной войны 1812 года мы обязаны и появлением баллады Лермонтова «Спор» (1841), в которой изображается сила могучих полков Севера,

способных покорить восточный мир; и недаром это стихотворение было переписано Лермонтовым для его друга, известного славянофила Ю.Ф. Самарина.

Отголоски войны 1812 года, в которой русский народ закалил свою волю и воочию увидел силу Божию и явление Божьего Промысла, прослеживаются и в поэме Лермонтова «Мцыри» (1839). Одними из ключевых стихов поэмы являются заключительные строки начальной строфы:

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков [3, II, с. 51].

После такого утверждающего патриотического вступления автор повествует о судьбе пленного ребенка, который живет в монастыре, сбегает накануне пострига, а затем, обесиленный, возвращается. Однако тема победы христиан над мусульманами здесь скрыта и практически не важна, она проявляется только при обращении к черновикам поэмы.

Так, один из черновиков поэта говорит нам о том, что в состоянии обморока Мцыри видит своего отца-мусульманина:

Последний ехал мой отец...
<...>
И стал он звать меня с собой,
Маня могучею рукой [3, II, с. 356].

Несмотря на мечту о родной душе, герой не откликается на призыв отца, он не подает ему руку, зато в последующих строках обращается к Отцу духовному, который его от «смерти спас»: «Прощай, отец... дай руку мне».

В печатном варианте поэмы «Мцыри» панславянские корни практически не прослеживаются. Поэт вместо эпизода с видением горцев-мусульман вставляет картину подводного царства со стадами золотых рыбок, одной из которых принадлежат «странные речи» о любви, о жизни, о воле. В христианстве образ рыбы наделяется особым смыслом. По-гречески рыба звучит как Ихтис (др.-греч. ἰχθύς), это слово составлено из первых букв следующих слов: Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель (Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ). В трактате «О граде Божьем» Блаженный Августин размышляет над смыслом этого образа, под которым таинственно понимается Христос. По мысли Бл. Августина, Христос «в бездне смертности», подобно рыбе «в глубине вод», мог остаться живым, так как был бессмертным [1]. Это указание на бессмертие Христа «в бездне смертности» дает и мысль о чуде возможности явления образа Града Божьего в этом мире, образа Царства Небесного в Царствии земном. И в духовной реальности, художественно запечатленной поэтом, Православное Царство (Византия, Россия) живет в своем высшем значении жизни именно в подражании Царству Небесному.

Явленный в художественном творчестве Лермонтова образ Кавказа есть некая зримая во времена поэта граница между мусульманским и христианским миром, место утверждения России как Великой Державы. И именно потому там так живо воскресает память о пророчествах, связанных с освобождением сынами Севера великой христианской святыни – Царьграда, явившего в своем бытии некий вариант образа неба на земле, что было так внутренне близко и желаемо Лермонтову, всегда тяготившемуся несовершенством этого мира.

Тяготение этим несовершенством проходит рефреном и в знаменитом «Бородино»:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы! [3, I, с. 9].

Стихотворение «Бородино» органично построено в форме диалога, в котором реализуется высокое духовно-нравственное начало текста. Такое построение данного произведения позволяет не только «внутри текста» представить объективную ценностную позицию Я (близкого автору) и Другого (собеседника, очевидца и участника героических событий); но и ставит читателя в положение, близкое спрашивающему (авторскому Я), и тем самым истинно нравственно, без какого-либо принуждения воспитывает читателя в духе верности национальным идеалам. Шкала ценностей Я и Другого в тексте совпадает, оттого и вкладывает автор повествования о событиях войны в уста Другого, позиция которого является для него авторитетной. Текст «Бородино» являет собой образ авторского самоумаления, кенотизма в высоком его понимании, возможным к реализации именно при православном восприятии мира. Слова «Богатыри – не вы!» – не унижают достоинство спрашивающего (так как за ними стоит сам спрашивающий, мы их слышим через его словесное воление), но показывают нам величие души Лермонтова и души русского человека вообще, способного к истинному духовному богатырству в минуты опасности для своей Родины. Смысл же содержания слов «Богатыри – не вы!» в полноте раскрывается только при внимании к следующим стихам, ключевым как для понимания этого произведения, так и феномена Бородинского сражения в целом:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы! [3, I, с. 9].

Истинно верующий человек способен увидеть даже в собственном несчастье проявления о нем Промысла Божия, отеческой заботы Господа, и отречься от своих волеизъявлений во имя свершения воли Божьей. И автор «Бородино» видит в словах старшего товарища проявление истины высшего порядка. Эта истина есть указание как на слабость человека в его повседневности (собственно человечность), так и на потенциал проявления истинного величия духа, духовного богатырства (богочеловечества) в минуты опасности для своего Отечества. Это духовное богатырство проявлял и сам поэт во время своего пребывания на Кавказе, будучи православным воином и защитником русской земли.

События войны 1812 года оставили неизгладимый след в истории России. Особое место принадлежит им в формировании русского национального самосознания, они во многом определили и содержательное развитие русской литературы; а для личности Лермонтова и для многих его современников явили яркий, ясный и близкий по времени образ истинных христиан – верных своему Отечеству, как земному, так и небесному.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Августин*. О граде Божьем. Кн. XVIII. Гл. XXIII. Режим доступа: <http://www.reformed.org.ua/2/454/18/Augustine>.
2. Анекдоты и достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем, достопамятных его речей и приказов. – СПб., 1814. – С. 64.
3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в 4 тт. – М., 1958.

4. Сим победиши. Славная история Царяграда с его пророчествами, предсказаниями прозорливых мужей и мудрецов о будущем бытие его. – М.: Типография Мартынова, на Тверской ул., д. Локотниковой, 1882. – С. 9.
5. *Тальберг Н.Д.* Умиротворитель Европы. Князь Александр I // Русская быль. Очерки истории императорской России. – М., 2000. – С. 237.
6. *Тургенев А.И.* «К чести России». Из частной переписки 1812 года. – М., 1988. – С. 164.